

Герасимов Сергей, Харьков (Украина). Имя автора конкурсной подборки было оглашено в Итоговом протоколе Международного литературного конкурса "10-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2021" 6 июня 2021 года в 23:59 по Москве.

Брошенный учебник истории, открытый на странице 200

как караси продолжают жить в реке
что промерзла до дна
перед ледяными глазами ледяная стена
маленькие ледяные извилины
силятся осмыслить
понять
нетронутое царство ужаса
как бойня номер пять
то есть бомбардировка Дрездена
только наоборот
только вместо огня неподвижный лед
так вмерзли в реку истории мы
впереди и сзади кубические километры тьмы

столетия не фонарики
а вмерзшие пузыри
до бойни номер пять были бойни
один два три четыре и снова три
воплъ вмерзая в лед
превращался в бесконечно длящийся си-бемоль
страх то бил крыльями
как бабочка
то пух
как в мертвой печени алкоголь
но ты молод так молод
тебе послезавтра сдавать ЕГЭ
по царям
декабристам
кому-то на броневике
ты учил всю ночь и от усталости словно хмельной
из твоих глаз свисает мысль как две пиявки или как два кончика одной
ты на странице двести где рубят
рубят головы с плеча
где злые вожди вращают глазами новою правдою клокоча
но вот входит девушка
вот ты с нею наедине
в этом оранжевом платье она как саламандра пляшущая в огне
с утра ты был сконцентрирован словно серная кислота
но в тебя впивается саблезубая красота
улыбаясь она бросается тебе на плечи как лассо
и отшвырнув учебник ты ведешь ее в кафе в кино или скажем
на чертово колесо

* * *

В осеннем парке
движется туман;
здесь старенькие Тютчевы гуляют,
держа под локоток
последнюю любовь,
и утро жжет листву, и дым вздыхает,
дым отправляется от станции Земля
как будто сонный
вертикальный паровоз –
весь собран из колес, раздувшихся в водянке,
растущих снизу,
по бокам
и на спине,
и небо чисто как глубокий вдох,
как смех детей, что в прятки, в догонялки

играют между гор листвы
среди стволов,
а дым,
поднявшись выше верхних веток,
вдруг преломляется, уносится без ветра
куда-то в сторону,
наверно, потому,
что стаи птиц накликали зимУ,
что зимний воздух как покрывное стекло
вдруг придавил и парк
и тихий город,
в котором стало пыльно и светло,
и в микроскоп зимы,
огромный,
синий,
рассматривает кто-то первый иней,
и утро в парке,
и влюбленных старичков,
глядящих на Елен из-под очков,
и умоляющих: мгновенье, задержись,
как выстрел быстрое, и долгое как жизнь.

Рыбка моя

Рыбка, родившаяся в аквариуме, никогда не вырастет большой,
даже если она, скажем, сом
или щука.
Рыбка, родившаяся в океане, станет большой как океан,
или хотя бы как трехпалубный линкор,
или немного больше,
даже если она, скажем, гуппи или скалярия.
Она будет топить и разбивать корабли,
и утопающие назовут еще ужаснейшим чудищем
и станут слагать о ней легенды и сказки.
Рыбка, родившаяся в воздухе,
отрастит крылья как у стрекозы и станет летучей рыбой.
Рыбка, родившаяся на кухне, станет поваром и будет жарить всех остальных рыб
без зазрения совести.
У поваров ведь совести нет
и это знают все рыбы, куры и ягнята.
Рыбку, родившуюся среди слонов,
слоны станут считать своею
и даже возьмут ее на переход через Альпы
вместе с Ганнибалом,
где она и замерзнет как замороженный минтай.
Но ты, ты, рыбка моя,

Пожалуй, родилась среди птиц-говорунов.
Ты все говоришь, говоришь,
и я не могу вставить ни слова.
Твои слова несутся,
как проносится снег в метель,
косо освещенный фонарем,
когда ветер сбивает с ног
и улица теряется в снежном тумане,
иногда ты поднимаешь глаза и смотришь на меня,
и это выглядит так, как порою ветер в метель натывается сам на себя,
и вдруг каждая снежинка у фонаря
повисает отдельно и почти неподвижно,
в мгновенной невесомости,
и я успеваю заметить
красоту их остановленного полета
до того как они снова сольются
в быстролетающие струи,
но не успеваю, не успеваю тебе об этом сказать,
рыбка моя.

